

# Новости со спектаклями

## ЧЕХОВА И КИВИ

**В**ЫБОР спектаклей, с которыми Финский национальный театр приехал в нашу страну, был смел. Показать в Москве «Чайку» — значило встретиться со зрителем в высшей степени пристрастным, ревнивым, требовательным. Создать инсценировку романа Алексиса Киви «Семеро братьев» — значило бросить решительный вызов всем и всяческим представлениям о том, какие произведения прозы считать «сценичными», а какие «несценичными». Победителям дерзость прощается: более того, она начинает казаться необходимым и органичным условием успеха.

Говоря о финской «Чайке», нельзя не упомянуть о жизненном и творческом подвиге ее постановщика профессора Эйно Калима. Некогда студент Московского университета, ученик Станиславского, он всего себя без остатка посвятил популяризации чеховской драматургии в северных странах, борьбе за подлинного Чехова. Многочисленные спектакли, созданные Калимом на сценах театров Финляндии, Швеции, Дании, Норвегии, Германии, несли высокую правду чеховских мыслей, чувств, эстетической мечты. Они были полемически направлены против тех, кто считал единственно возможным вариантом современного прочтения этих пьес предвзятое отождествление героев великого русского драматурга с современными неадекватными, страдающими сплинном и замутненностью сознания, против тех, кто, тупо святошествовая и надевая наделой многозначительностью каждое покашливание и почешивание персонажей, растворял гуманистическое содержание драм в море бытовых и псевдопсихологических частности.

Увиденный нами спектакль в известном смысле можно считать результатом и итогом полувековых исканий, полувекового творческого подвижничества Эйно Калима. Гармоничная сопряженность бытовой, исторической конкретности и обобщающей силы нравственного пафоса, точных индивидуальных характеристик и четкости главного идейного вывода, ярких и зримых деталей, единого эмоционального и пластического строя спектакля побуждает вспомнить слова Станиславского: «Чехов — неперчаем, потому что, несмотря на обыденщину, которую он будто бы всегда изображает, он говорит всегда, в своем основном, духовном лейтмотиве, не о случайном, не о частном,

а о Человеческом с большой буквы».

Это мужественный спектакль. Настойчивость, с которой театр утверждает свое понимание «основного, духовного лейтмотива» «Чайки», может удивить, но не разочаровать, ибо настойчивость, твердость нигде не перерастают в противоположную Чехову декларативность. Бережно сохраняя и талантливо интерпретируя всю меру мягкой чеховской человечности, сложной простоты душевного мира, внутренней сути его героев, театр резок и непримирим в осуждении полевой инертности, нравственно-эгоцентризма, бесцельного душевного самокопания. И закономерный итог этой суровой ясности — высочайшая современность спектакля в самом истинном смысле слова: то, что могло проститься человеку конца XIX столетия, нельзя простить современнику, которому многое дано и с которого многое спросится.

Актерский ансамбль великолепен. Можно с полным основанием сказать, что мы давно уже не видели такой искренней и гордой в своих поисках жизненного призвания, такой хрупкой и неслышимой Нины Заречной (артистка Эна Каарина Воланен). Интересно трактует роль Трещева артист Тармо Манни, создавая образ юноши наивного, неслышимого, наивного, но исполненного поначалу блуждающей через край жизненной энергии, которая, не найдя необходимого выхода, переторгает и опустошает внутреннее «я» героя. Его внешне строгая, почти скорбная, а, по существу, истинная замкнутость человека, потерпевшего гибельный крах иллюзий и мужественно осознавшего это, строгая и усталая зрелость Нины, в испытаниях постигнутой смыслом и оправданной своей жизни, — с какой беспощадной ироничностью сталкиваются эти индивидуальности с самодовольной ординарностью Аркадьича (артистка Рауни Луома) и Тригорина (артист Лео Ринутту).

В следующем спектакле нам предстояло увидеть и узнать то, что для театра — свое, сокровенное, только ему данное. Роман основоположника финской национальной литературы Алексиса Киви «Семеро братьев» — эпос, вобравший в себя необозримое богатство народной жизни, народного быта, народной поэзии. Его художественно-образная ткань, состоящая из фрагментарных эпизодов, бесконечных диалогов, перемежающихся одухотворенными лирическими отступлениями, — материал в высшей степени неблагоприятный для инсценировки.

Но вот спектакль существует — озорной, праздничный, искрящийся щедрой россыпью актерских удач, талантливых режиссерских находок, спектакль, который при всех неизбежных потерях во многом сохраняет неповторимое обаяние романа. Устроители гастролей, не позаботившись о синхронном переводе, поставили как актеров, так и зрителей в весьма затруднительное положение. Для зрителей, не знакомых с романом, остались «вещью в себе» и лукавая прелесть диалогов Киви, и своеобразный юмор с его подлинно демократической, народной стихией. Им пришлось довольствоваться восприятием сугубо зрелищной стороны спектакля. И если при этом в зале не было безучастных, равнодушных, если при этом мы узнали и полюбили семерых братьев, славных крестьянских парней, и с неподдельным интересом следили за их похождениями, то тем более очевиден высокий

уровень мастерства режиссера и исполнителей, из которых особо следует упомянуть Марти Ромпанена, чей Юхани неподражаем в своем буйном, удалом и забавном естестве.

Можно долго перечислять достоинства спектакля в целом и частном; можно упомянуть блестящую культуру стремительного и эмоционального насыщенного диалога, которой восхищаешься, даже не зная финского языка; можно отметить ряд изобретательно и с безупречным вкусом построенных мизансцен; а можно и упрекнуть постановщика Вилло Илмари в чрезмерной натуралистичности эпизода в бане.

Но вот что касается потерь по сравнению с духом, а не буквой романа... Надеюсь, наши гости не обидятся на меня за то, что я предпочитаю откровенный, дружеский, серьезный разговор по большому счету высшему языку дипломатических репертоаров. Ведь для сильных сплоченные и озорные. Дело в том, что спектаклю не хватает всей сложной полноты, всего жизненного многообразия, заключенного в романе Киви. В нем отчетливо выражены и гармонично сливаются два идейно-эстетических начала: конкретно-бытовое, комедийное и эпически-былинное, поэтическое, насыщенное фольклором, ароматом народных преданий. Братья — реальнейшие, обыч-

нейшие крестьянские парни, но это одновременно — и поэтическое олицетворение былинной богатырской силы, самобытной души народа. К сожалению, линия эпического обобщения в инсценировке почти сведена на нет. Спектакль оказывается ближе сочной, грубоватой среде знаменитой комедии Киви «Садожники Нумми».

Суженность, обедненность эмоционального мира неизбежно приводит к упрощенному «облегченному» пониманию идейного замысла Киви. В необузданных метаниях братьев, в их неодолимой тяге к бродяжничеству, к охоте, к жизни в лесу и в отращивании к мирной участи землепашцев кроется протест против мешанины «здорового смысла», против попирающей человеческое достоинство социальной несправды. Недаром Юхани, пытаюсь понять причины злоключений, обрешивающихся на братьев, гневно восклицает: «Весь мир — только здоровенная куча навоза, и больше ничего. К черту всех канторов и пасторов, к черту все книжки и школы, и леисманов с бумагами туди же!» Недаром и обрисовке сельских властей, светских и духовных, Киви использует остро сатирические краски. Критические тенденции в спектакле удалены почти начисто.

И все же, посмотрев «Семерых братьев», мы во многом обогатили наши представления о финском народе, о финской культуре. И очень хочется, чтобы первая встреча с замечательными мастерами Финского национального театра не стала просто эпизодом.

Вл. МАТУСЕВИЧ.

А3

В3